
СЫСКНАЯ | **150 ЛЕТ НА СВЕТОЙ СТОРОНЕ СИЛЫ,**
ПОЛИЦИЯ | **ОХРАНЯЯ ЗАКОН И СПРАВЕДЛИВОСТЬ!**

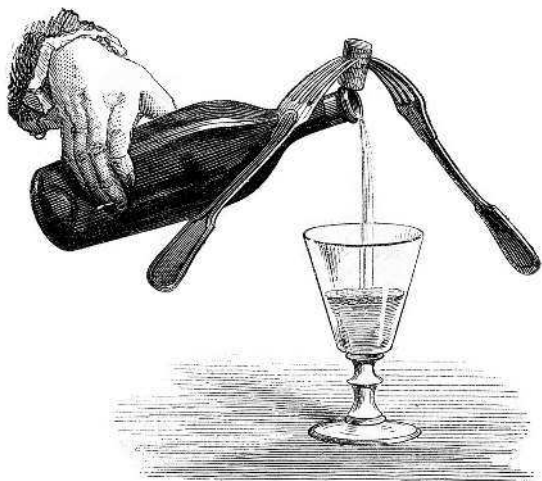
**Читайте в серии
«150 ЛЕТ РОССИЙСКОЙ
СЫСКНОЙ ПОЛИЦИИ»:**

**ТАЙНЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ
ПЯТЬ КАПЕЛЬ СМЕРТИ
ХОЛОДНЫЕ СЕРДЦА
ИЗ ТЬМЫ
АРОМАТ КРОВИ
ПЕПЕЛ И ПУРПУР
МЁРТВЫЙ ШАР
БЕЗЖАЛОСТНЫЙ ОРФЕЙ
СМЕРТЬ МУЖЬЯМ
ОПАСНАЯ ФАМИЛИЯ
ФОРМУЛА ПРЕСТУПЛЕНИЯ**

А Н Т О Н

ЧШЖ

ФОРМУЛА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

сборник

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ч-59

Дизайн серии Петра Петрова

Чиж, Антон.

Ч-59 **Формула преступления : сборник / Антон Чиж. —**
Москва : Издательство «Э», 2017. — 384 с.

ISBN 978-5-04-089765-0

1985 год. Пока искалеченный в погонях за преступниками коллежский секретарь Родион Ванзаров приходит в себя, его напарник и друг криминалист Аполлон Лебедев вспоминает самые «горячие» детективные расследования, которые они провели вместе. Полиция, словно исповедник, становится свидетелем самых страшных человеческих грехов: под личиной тихого обывателя может скрываться чудовище. Вот убийство на фоне противоестественной половой склонности; вот мертвый муж встает из могилы, чтобы отомстить распутной жене-баронессе; а вот пир во время чумы, когда красивейшего мужчину убивают в разгар празднества...

Рискуя жизнью, Ванзаров и Лебедев окунаются в пучину порока, чтобы восстановить справедливость! Российская империя может спать спокойно.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089765-0

© Чиж А., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

*Нас уверяют медики: есть люди,
В убийстве находящие приятность.
Я чувствую, что чувствовать должны
Они, вонзая в жертву нож: приятно
И страшно вместе.*

Александр Пушкин

• ВСТУПЛЕНИЕ

— С кучно, Аполлон Григорьевич! — сказал молодой человек, утопая в воротнике по самый подбородок. Гражданский мундир Министерства внутренних дел был явно велик, отчего сидел на нем мешковато.

— Что делать, Николя, таков нам положен удел... — Грудь его собеседника облекал шерстяной пиджак модного покроя с бутоньеркой в петлице, а шею поддерживал накрахмаленный воротничок с шелковым галстуком синеватого отлива. — Судьба, она как продажная...к-хэм, ну не важно кто... В общем, чем больше просишь, тем меньше получаешь, да. Так что следует брать ее за горло, и...

Как именно надо поступать с судьбой — осталось неизвестным, так что в мировой философии образовалась солидная дырка. Окончательно заплутав в закоулках мысли, блестящий господин полез за серебряной вещицей, необходимой в трудную минуту. И припал к источнику утешения.

Николя облизнулся:

— Холодно что-то. Коньяком не угостите?..

Отпустив фляжку, Аполлон Григорьевич занюхал чьей-то косточкой, подобранной среди лабораторных склянок.

— Ус не дорос, — ответил он с душевной теплотой.

И правда, под Колиным носом усы только собирались пробиться, а вернее, решали сделать это в будущем году или погодить. Стерпев обиду, за которую с кем угодно разругался бы вдрызг, Николя отвернулся в ночь.

Из тьмы налетали хлопья снега, липли к стеклу обрывками привидений и таяли зыбкими льдинками. За окном выло и свистело, словно орды зла пытались свергнуть на гранитную мостовую особняк Департамента полиции, перепутав его с замком Добра.

Не найдя в темноте ничего занимательного, Коля обратился к свету. То есть помещению, где просиживал который час. Посмотреть было на что.

Всякий день сюда доставляли разнообразные вещи, среди которых попадались ножи и кастеты, пули и патроны, куски тел и человеческие органы, яды и снадобья, битая посуда и порченная ветошь, ну и не менее полезные штучки. Все это копилось и копилось в немыслимых количествах. Богатством, при виде которого любая женщин упала бы в обморок, не пожелав возвращаться к жизни, владел великий, без всякого сомнения, криминалист Лебедев.

Да вы его знаете! Невозможно забыть эту удивительную фигуру, хоть раз заметив. А попав под раскатистые громы голоса — тем более. Лебедев представлял собой редчайшую смесь безудержного бахвальства с неисчерпаемым оптимизмом, научным талантом и бешеным трудолюбием. Женщины и барышни теряли остатки воли, подпав под его убийственное очарование. В общем, не человек — легенда.

Однако нынче Аполлон Григорьевич не был похож на себя, меланхолически разглядывая потолок, на котором застыли следы удачных взрывов и буйных пожаров. Даже эта веселая картина его не радовала. Пребывал он в состоянии совершенно ему чуждом, а именно: тихой печали. Кислое настроение хозяина непонятным образом передалось лаборатории-кабинету. Загрустили реторты и пробирки, зачахли микроскопы и горелки. Безымянный череп тосковал пустыми глазницами. Даже краски анатомических плакатов и снимки трупов словно заскучили. Нерадостная, в общем, царила обстановка.

Николя ощутил, что еще немного, и сам завоет и заплачет от тоски.

— Что же мы с вами теперь делать будем? — осторожно спросил он.

— Уныние — это грех. И грех смертельный, да. Вам, как светлому будущему нашего сыска, тем более непростительный.

— Что мы... что я без Ванзарова...

Лебедев помолчал, быть может, оценивая себя по той же мерке.

— Никакого «без» быть не может. Родион в лучших руках, стая профессоров от него не отходит, — сказал он. — Я верю: все будет хорошо.

— А вдруг... уже?

— Подтяните нюни, Гривцов, чай, не баба, чтобы слезы лить! Еще накаркаете... — Отъявленный материалист и циник аккуратно поплевал за левое плечо.

Поддержав ритуал, Коля усердно заплевал чье-то вещественное доказательство. И поделом: валяется где ни попадя.

Через силу зевнув, чтобы изобразить спокойствие, Лебедев потянулся до хруста мышц.

— А вот ждать — нет ничего хуже. Чем бы заняться? Хоть в шашки вас обставить или поучить уму-разуму, что ли...

Николя аж подпрыгнул:

— Ух ты! Научите!

Невольно возник вопрос: уж не поторопился ли Аполлон Лебедев взять под крыло этого птенца? Уж не глуп ли мальчик?

Но мальчик вовремя опомнился, положил руки на колени, как прилежный гимназист, и вытянулся в струнку.

— В сыщики намылились, а простейших вещей не знаете, да.

— Не знаю! — согласился Коля. — Научите!

Из глубин походного чемоданчика явился предмет, наводивший ужас на все Министерство внутренних дел, а порой и корпус жандармов. Лебедев курил такие яростные никарагуанские сигарки, что от их дыма биологическая жизнь сворачивала к неизбежному концу. Недаром в его обители не было ни комаров, ни мух в самую жару.

Съежившись, Гривцов изготавился сносить чудовищный запах. Уж больно хотелось стать великим сыщиком, как...

— Какое главное качество сыщика? — спросил Лебедев, поигрывая сигаркой, словно опасной бритвой.

— Умение угадывать?

— Гадают на Святках или на кофейной гуще, а в полиции... Вот вам пример. Как-то весной 1888 года отправили меня в Одессу, где случилось убийство некоего Трепова — важного городского чиновника. Поставили на уши всю полицию, но никого не нашли. Я провел экспертизу, изучать ее, конечно, не пожелаали. Зато лихие головы вызвали из Англии некоего Шерлока Холмса¹. Господин этот побродил вокруг да около и нашел виновника. Местные полицейские даже охнуть не успели, как убийца давал признательные показания. Мистер Холмс взял гонорар, довольно солидный, ничего не объяснил и отбыл на пароходе к себе на остров. Характер у него был вздорный, на всех смотрел свысока, вида чудовищного — нос как у хищной птицы, баловался морфием и кокаином. Постояльцев гостиницы донимал пиликаньем на скрипке. Но дело-то раскрыл. Знаете почему?

— Везенье?

— Гривцов, не в карты играете. И в картах везенья никакого, одна техника рук... Мистер Холмс внимательно ознакомился с моими выводами и применил логику. Правда, называл ее «дедуктивным методом». Понимаете?

Коля приободрился, словно вытянул знакомый билет.

— Дедуктивный метод мы проходили на уроках алгебры. Он заключается в том, что...

¹ Сведения подтверждает биограф мистера Холмса доктор Ватсон в записках, названных «Скандал в Богемии».

— Сейчас выгоню, — ласково пообещал Лебедев, и фонтанчик красноречия заткнулся сам собой. — Какая алгебра? Людей надо знать! Знать и изучать логику их поступков. Лет десять попрактикуетесь — и поймете, что преступником управляет.

— Злоба?

— Страстишка куда более сильная: выгода.

В цветущие семнадцать лет Коля не был готов узнать, что секрет мастерства банален, как вареное яйцо. Нутро юного рыцаря, а по натуре он был рыцарь, только опоздавший родиться веков на десять, протестовало против скучной правды.

— Так просто? — сдержанно спросил он.

— Пока придете к такому выводу — много дряни нахлебаетесь.

— Неужели Ванзаров только этим методом пользовался?

Выдержав многозначительную паузу, Аполлон Григорьевич с неохотой ответил:

— Ну, почти.

— Не верю.

— Что?!

Храбро зажмурившись, Николая повторил:

— Не верю, чтобы Родион Григорьевич одну выгоду искал. Хоть гоните — не верю.

— Не верите, значит?.. И правильно делаете...

Гривцов совершенно растерялся:

— То есть как?

— Как в жизни, юноша: нельзя знать, что происходит на самом деле, пока не доберешься до сути.

— Эх, дали бы мне только дело, уж я бы так добрался, все вверх дном перевернул, до каждой причины докопался, как Ванзаров... — размышлялся юный чиновник полиции. Николя имел самый нижний чин, а потому бегал по поручениям всего полицейского участка. Вместо того, чтобы гоняться за преступниками. Или хоть за жуликами.

Метким броском сигарка отправилась в реторту.

— Значит, готовы копать не покладая рук? — спросил Лебедев. — А хотите профессиональное пари? Условие простейшее: излагаю историю, которую мне сам Ванзаров рассказывал, и если под конец определите, кто виновник, то...

— Я согласен! — вскрикнул Николя.

— ...угощаю великолепной сигарой.

— А если не угадаю?

— Отменный щелбан. Ну, как? Проверим на прочность ваш лоб, то есть талант?

Еще неизвестно, что лучше: синяк или мучительная агония. Но выбора не осталось.

Коля принял вызов.

Закинув ногу на ногу, от чего роскошные ботинки сверкнули глазом ворона, Аполлон Григорьевич пока отложил сигарку и сказал:

— Вот и отлично. Хоть время с пользой убьем... Так, что бы вам такое предложить легонькое для начала... А!.. Вот, к примеру, был такой случай...

• ИЗ НАСЛАЖДЕНИЙ ЖИЗНИ

... Среди тайн мироздания одна совершенно неразрешима: чего хотят женщины. Прочие загадки неизбежно падут под натиском разума. А криминальные — тем более. Пронзая преступление, как вилка — пюре, логика выковыривает тайну, что косточку из вишни. Любой хитрец перед атакой мысли спасует. А если хорошенько приложить его знанием человеческой натуры, то уж спасайся, кто может. Под пятой разума треснет любое преступление, как гнилой орех. И лучше быть ему покрепче, чтобы разуму нашлось где потоптаться, то есть — развернуться...

Так или вроде того размышлял молодой человек, с утра пораньше заявившийся в полицейский дом на Офицерской улице. Первый этаж серого строения занимал 3-й участок Казанской части, на втором расположились кабинеты полицеймейстеров II Отделения, а на самом верху приютилась сыскная полиция. Куда и взбежал неурочный гость.

Сонный городской недобрым взглядом одарил раннюю пташку, долго возился с ключом и предоставил

гостю самому проникать в казенное помещение. Юношу так распирало желание поскорее взяться за дело, что мелкие неурядицы остались незамеченными. Деловито распахнув окна, чтобы воздух утра выгнал из помещения ночную затхлость, направился он в дальний угол приемной части сыска, где разместился за потертым столом, сложил руки, как на уроке, и приготовился ждать.

Пока он сгорает от нетерпения, успеем подметить кое-что в его наружности. У юноши слишком чистый воротник сорочки, наглаженной и накрахмаленной, безупречно повязанный галстук, отутюженные брюки и вычищенный сюртук гражданского образца. Именно так должен выглядеть карьерист и подхалим, который мечтает втереться в доверие к начальству.

Образцово-показательный вид немного портила некоторая тучность фигуры. Юноша был скорее упитан, как это бывает с сынками, поздно выпорхнувшими из-под гнета материнской опеки. Но в клубе толстяков его кандидатуру наверняка отвергли бы. Из деталей, примечаемых барышнями, отметим непокорный вихор, выбивавшийся из пшеничной шевелюры, умный, если не проницательный взгляд и довольно крепкую, крестьянскую шею, на которую так приятно взгромоздиться женошке с детишками. Но этого счастья юноша лишен начисто. Был он холост и даже в некотором смысле... Ну, об этом не время.

В сыскальной полиции молодой человек оказался по доброй воле, чего никак не мог понять его прежний